

ВОССТАНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ 1916 ГОДА И РЕАКЦИЯ НА НЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ИСТОКИ КОНФЛИКТА¹

UPRISING IN TURKESTAN IN 1916 AND REACTION OF THE STATE DUMA: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE AND THE ORIGINS OF CONFLICT²

D. Yanchenko
D. Ovsyannikov
V. Shorokhov

Summary. The First World War strengthened the contradictions between the indigenous people of Central Asia and the settlers from the European part of Russia. The article discusses the reaction of the Council of Ministers and the State Duma of the Russian Empire to the uprising in Turkestan in 1916, which in recent years has been attracting increasing attention of Russian and foreign researchers. The authors emphasize that in the course of the work of the commission of the members of the State Duma in Turkestan, some Petrograd politicians (among them A. F. Kerensky), increased influence, both amid the regional and the midmost elite.

Keywords: Turkestan, Islam, Uprising, the State Duma, the Council of Ministers, the Russian Empire.

Янченко Денис Геннадьевич

К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
yanchenko@spbu.ru

Овсянников Дмитрий Владиславович

К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
d.ovsiannikov@spbu.ru

Шорохов Владимир Андреевич

К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
v.shorokhov@spbu.ru

Аннотация. Тяготы Первой мировой войны обострили противоречия между коренным населением Средней Азии и переселенцами из Европейской части России. В статье рассматривается реакция Совета министров и Государственной думы Российской империи на восстание в Туркестане в 1916 г., которое последние годы привлекает повышенное внимание российских и зарубежных исследователей. Авторы особо отмечают, что в ходе работы комиссии из членов Государственной думы в Туркестане петроградские политики, и, в особенности А. Ф. Керенский, усилили свое влияние, как среди региональной, так и среди столичной элиты.

Ключевые слова: Туркестан, ислам, восстание, Государственная дума, Совет министров, Российская империя.

Трагические события восстания 1916 г. в русском Туркестане стали значимой составляющей системного кризиса Российской империи. Непосредственной причиной и историческим фоном волнений, охвативших значительную часть Средней Азии и других областей страны, была прогрессирующая иррелевантность ее управленческого аппарата вызовам, характерным для периода глобального конфликта высокой интенсивности. Однако тяготы Первой мировой войны лишь обострили десятилетиями накапливавшиеся противоречия между коренным населением региона и мигрантами из Европейской части России, прежде всего, по вопросу владения плодородными землями.

Совокупность военных операций и социально-экономических потрясений, получившая обобщенное определение — «восстание 1916 г. в Туркестане», приобрела политическое звучание с началом российской революции. Многие из участников событий устанавливали советскую власть в Средней Азии, стояли у истоков нового регионального государственного строительства. Именно они заложили основу научного изучения событий и, вместе с тем, политического мифа об их «национально-освободительном» характере. Распад СССР сопровождался формированием этноцентричных национальных идеологий. Они, в свою очередь, способствовали дальнейшей актуализации и, одновременно, сакрализации

¹ Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук МК-630.2017.6 «Совет министров, Дума и политика в отношении окраин Российской империи в 1906–1917 г.».

² The study was supported by the Presidential Grant МК-630.2017.6 «Council of Ministers, Duma and Politics on the Outskirts of the Russian Empire in 1906–1917».

темы народно-освободительной борьбы. Появление многочисленных исследований в историографии на постсоветском пространстве быстро приобрело черты «освоения средств», став на службу нациестроительству. В результате оценка событий 1916 г. в Киргизии и Казахстане получила яркий идеологический окрас. В Киргизии на официальном уровне 7 августа объявлен днем памяти жертв событий августа-сентября 1916 г. При этом миграция в Китай киргизов, опасавшихся возмездия за массовое уничтожение русского населения, получила название «уркун» (массовое бегство, исход) и рассматривается как «гуманитарная катастрофа киргизов». В связи с этим представляется необходимым идеологически нейтральное исследование данной темы, которое позволит реконструировать ряд ее недостаточно изученных аспектов.

С самого начала советского периода развития исторической науки восстание в русском Туркестане 1916 г. и реакция на него Государственной думы оказались в центре внимания профессиональных исследователей, политиков и публицистов. Публикации середины 1920-х гг., приуроченные к десятилетию со времени трагических событий, задавали отнюдь не беспристрастный тон обсуждения проблемы, трактуя ее в рамках колониального дискурса и марксистской парадигмы. Таковыми были работы Т. Рыскулова [33; 34] (переизданные позже в независимой Киргизии [35]), И. Чеканинского [44], Г. И. Бройдо [3], А. Шестакова [45], Ф. Божко и П. Галузо [11], Б. Исакеева [17], публиковавшиеся как в регионах, так и столице. Восстание народов Туркестана рассматривалось как сугубо антиимпериалистическое и антикапиталистическое. Но, что еще важнее, конфликт оценивался либо как намеренно спровоцированный царской администрацией (Т. Рыскулов, Г. Бройдо), либо как неизбежный с точки зрения законов классовой борьбы. Однозначно негативные оценки имперского управления, данные исследователями 1920-х — 1930-х гг., во многом подготовили почву для политизации научной проблемы в постсоветской историографии. Сходным образом трактовалась авторами сталинской эпохи деятельность мусульманской фракции Государственной думы, связанная с расследованием причин и последствий мятежа в Туркестане [1]. Несомненным достижением науки межвоенного периода стала публикация важнейших официальных документов о восстании 1916 г. [5; 6; 7; 14].

С 1950-х гг. в СССР формируются республиканские историографические школы Средней Азии и Казахстана, в рамках которых отдельную нишу заняли исследования «антиколониального» движения в русском Туркестане [36; 38; 39; 40]. Наибольшее научное значение среди трудов этой группы, по нашему мнению, имели работы П. А. Ковалева, в которых нашла отражение деятельность комиссии IV Государственной думы по расследованию

событий [20; 21]. Кроме того, в 1960 г. вышла очередная публикация новых документов о восстании 1916 г. [8].

В 1980-е-1990-е гг. происходило формирование кластера постсоветских историографий, объединенных хорошим знанием источникового материала, советским «национально-освободительным» идеологическим багажом и ориентацией на «вхождение в мировую науку» путем переложения различных западных ориенталистских, советологических, а в ряде случаев и более архаичных концепций. Характерно что, юбилейное «совещание по переосмыслению восстания 1916 г.» было инициировано и профинансировано Американским университетом в Центральной Азии [28]. В указанном направлении интенсивно продолжил развиваться, например, сегмент киргизской историографии, дрейфующий в сторону синтеза советских оценок «колониального прошлого» с этноцентристской трактовкой конфликта русских и кочевников (вплоть до конструирования мифа о геноциде) [2; 18]. Своеобразные «отблески» этих представлений можно найти и в трудах некоторых российских авторов [27]. Среди отвечающих критериям научности новаций можно отметить некоторое расширение хронологических рамок восстания, уточнение людских потерь и публикацию новых данных об иностранном вмешательстве [10].

В России в 2000-е гг. вышло немало важных исследований по рассматриваемой проблеме. Так, Д. М. Усманова внесла весомый вклад в изучение мусульманской фракции Государственной думы [41], а благодаря усилиям Т. В. Котюковой [23; 24; 25], сложилась устойчивая группа исследователей восстания 1916 г. из бывших союзных республик, концентрирующих внимание на различных аспектах указанных событий, исследующих их в широком географическом контексте (не ограничиваясь Туркестаном и Степным краем). В этих работах аккумулируются данные о ситуации в других регионах Азиатской России, на которые распространялось «Высочайшее повеление о привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г. [9]. Западную историографию восстания 1916 г., во многом характеризует догматизм, влияние идеологических реликтов вроде концепта тюркизма, а также вторичность в источниковедческом отношении [19; 28; 48; 49; 50].

Источниковой базой данной работы является совокупность архивных материалов и опубликованных документов о Туркестанском восстании 1916 г. [7; 8; 37]. Политика центра рассматривается нами и сквозь призму «парламентских» дискуссий, нашедших отражения на страницах стенографического отчета заседаний 4-й сессии Государственной думы IV созыва [13]. При подго-

товке статьи использовались неопубликованные архивные документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности фонд № 1276 («Совет министров 1905–1917 гг.») и фонд № 1292 («Управление по делам о воинской повинности МВД»).

Туркестан в составе Российской империи представлял собой крайне неоднородный регион. Административно-территориальное деление края постоянно менялось, а управление различными областями опиралось на различные законодательные акты. Так, «коренные» Самаркандская, Сырдарьинская и Ферганская области управлялись на основании Положения 1886 г. В Закаспийской же области, вошедшей в состав Туркестанского генерал-губернаторства согласно именному высочайшему указу Правительствующему сенату от 26 декабря 1897 г. действовало временное «Положение об управлении Закаспийской областью». В Семиреченской области, вышедшей, согласно упомянутому выше указу, из Степного генерал-губернаторства, действовало временное «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областями». Разработка единого Положения об управлении краем так и не была завершена.

Основным очагом восстания стал район Семиречья, вхождение которого в состав Российской империи имело свою специфику. Этническая неоднородность Семиречья стала отягощающим фактором в событиях 1916 г., т.к. беспорядки приняли характер межэтнической вражды. Фактически территории нынешнего севера Киргизии, будучи частью исторической области Семиречья, вошли в состав России без серьезного военного сопротивления со стороны местного населения — киргиз-кайсаков Старшего жуза и северных родов «дикокаменных» киргизов. На севере Семиречья (уезды Лепсинский, Джаркентский, Копальский, Верненский и отчасти Пишпекский) преобладали «киргизы-кайсаки», на юге (часть Пишпекского и весь Пржевальский уезды) — «дикокаменные» каракиргизы. В 1875–76 гг. М. Д. Скобелев в кокандском походе получил поддержку от киргизского манапа Шабдана Джантаева, лидера сарыбагишей. Это стало важным фактором успеха русского оружия. В своем докладе офицер, заведующий розыскным пунктом в г. Верном (ныне Алма-Ата — авт.), характеризовал данный процесс, как не завоевание, а «постепенный захват с севера из Семипалатинской области на юг» [31, л. 475].

С начала 1830-х гг. этот регион Туркестана стали заселять казаки. В 1831 г. была заложена станица Сергиопольская, а позднее Копальское укрепление. В 1854 г. экспедиция из Копала без боя заняла долину р. Или и основала укрепление Верное [31, л. 475 об.]. С 1855 г. сибирские казаки выстроили станицы вокруг Верного,

которые вошли затем в состав Алатавского округа Семипалатинской области.

Не последнюю роль в формировании этнической карты Семиречья сыграли события в соседнем Китае. Среди населения Кульджинского округа Синьцзяна преобладали этнические группы, исповедующие ислам (дунгане, илийские уйгуры или таранчинцы), а также калмыки, в то время как правящий класс составляли маньчжуры и китайцы [31, л. 476]. В ходе антицинского восстания мусульмане взяли Кульджу, изгнали китайцев и образовали ханство во главе с Абилю-Оглы. Русские поддержали его, но когда обнаружился факт укрывательства Абилем бандита, грабившего «русские пределы», то в 1871 г. русские войска заняли Кульджу, которая была возвращена Китаю в 1881 г. После Илийского кризиса из Китая в Россию потянулись мусульмане Восточного Туркестана, опасаясь расправ со стороны цинских властей. Лидер илийских уйгур Вали-Ахун Юлдашев, уйдя из Китая, получил пособие и инвентарь для хозяйственного освоения земель, отторгнутых у кочевых киргизов, в ущерб русским поселенцам [31, л. 496 об.]. Русская администрация благосклонно смотрела на переселение в Семиречье дунган как элемента, враждебного китайцам и выгодного в этом контексте для поселения на границе с Китаем [31, л. 477]. В 1883 г. из Восточного Туркестана эмигрировали около 25 тыс. киргизов.

Таким образом, инородческое население Семиреченской области состояло из оседлого и кочевого компонентов, имевших различные хозяйственно-культурный тип и экономический потенциал. Современники отмечали то, что оседлые мусульмане (дунгане и таранчинцы) с киргизами едины лишь в вере, а по характеру «злы, скрытны и мстительны». Будучи предприимчивыми и работающими, они богатели, в то время как киргизы беднели [31, л. 477]. Со второй половины XIX в. в русской имперской политике стал доминировать принцип государственного единства России, что подразумевало приобщение «инородцев» к русской культуре и государственности. В отношении ислама реализовывалась политика «ограниченной веротерпимости», допускавшая исповедание ислама, но препятствовавшая его распространению и укреплению. Так, в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку. При этом необходимо учесть, что Туркестан был регионом исламским, в котором на 1913 г. насчитывалось 6022 мектеба из 9723 в империи, а также 445 медресе из 1064 [32, с. 334].

Присоединение Туркестана к Российской империи запустило процесс модернизации края. Одной из важных вех на этом пути стал период 1905–1917 гг., на который пришлось учреждение одного из важнейших институтов гражданского общества — Государственной думы. Общности Туркестана вместе с другими народа-

ми империи выбирали своих представителей во II Государственную думу — Т. Абдухалилова [12, с. 5], Т. Аллаберганова, М. А. Гаврилова [12, с. 118], А. П. Друкаря [12, с. 173–174], Я. И. Егошкина [12, с. 183], А. Кариева, Н. Л. Колендзяна (Лось-Колендзяна) [12, с. 262], И. Е. Миронова [12, с. 377], С. А. Мухамеджанова [12, с. 388], В. П. Наливкина [12, с. 393–394], М. Нурбердыханова [12, с. 420], М. Т. Тынышпаева [12, с. 632]. Шесть из них были представителями «коренных» народов. Подробно этот вопрос уже рассматривался в отдельной статье [46]. Смягчение политики самодержавия в национальном вопросе повлияло на рост популярности движения мусульманских обновленцев (*джадидов*). Представители мусульманской интеллигенции в России, в том числе, и представители Туркестана из числа джадидов, на 1-м Всероссийском конгрессе мусульман, проводившемся 15 августа 1905 года в Нижнем Новгороде, основали «Союз мусульман России».

В результате третьеиюньского переворота 1907 г. Туркестан был лишен парламентского представительства. Однако это не уничтожило политическую активность в регионе, в том числе, в рамках исламского реформизма. Борьба части «туземной» элиты Туркестана за восстановление избирательных прав шла в форме сотрудничества с мусульманской фракцией Думы, а также конституционно-демократической партией, одним из программных требований которой было всеобщее избирательное право. Эти попытки не оказали заметного влияния на принятие решений, касавшихся как всех мусульман империи, так и Туркестана в частности. Заявления мусульманских депутатов, требовавших правового и религиозного равноправия, а также неоднократные обращения по поводу ограничения переселения крестьян из Европейской части России в Туркестан подогревали опасения правых фракций в Думе, способствовали усилению реакционных тенденций и выявляли всю глубину расхождения «парламентских» политических сил по национальному вопросу. При этом думское большинство в отношении Туркестана проявляло пассивность и, таким образом, санкционировало политику царской администрации.

В 1916 г., в условиях войны, стремясь поддержать верноподданнические чувства в Туркестане, Военное министерство профинансировало издание «Туркестанской туземной газеты», официального печатного органа на тюркском языке. Адресатами газеты должны были стать как представители туземной администрации, так и преподавательский состав (*мударрисы*) мусульманских учебных заведений (мектебов) и имамы мечетей [13, стб. 1352]. Примечательно, что в Совете министров в 30 июня 1915 г. обсуждалась возможность окончательного решения вопроса о среднеазиатской «автономии» (смещении бухарского эмира). Правительство,

в лице министра внутренних дел Н. Б. Щербатова, связывало потенциальные конфликты в большей степени с внешнеполитическими обстоятельствами. «Намечается движение в Средней Азии среди сартов и революционно-политическое и проч. в связи с волнениями в Афганистане и возможностью выступления против России. Пора убрать эмира бухарского /кровопийцу/» [47]. Однако причина видится не в личностях. В целом, военные условия способствовали усилению экономического прессинга, снижению лояльности мусульманского населения и, главное, истощению силовых ресурсов краевой администрации.

Формальным поводом к конфликту стало подписанное 25 июня 1916 г. Николаем II Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». По царской воле в военное время «реквизировались» мужчины от 19 до 43 лет. При этом согласно 42 статье «Устава о воинской повинности» (1914 г.) «Население Туркестанского края, а также инородческое население областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской освобождено впредь до дальнейших распоряжений от исполнения воинской повинности» [42, с. 23]. Таким образом, «Высочайшее повеление» от 25 июня 1916 г. выполняло роль «дальнейшего распоряжения», прописанного в Уставе. Этот юридический акт был призван расширить возможности призыва на фронт русских, компенсируя заменой их на предприятиях и объектах военного назначения «инородцами» Российской империи. Очевидно, что такой шаг в условиях войны казался власти более рациональным, чем массовое привлечение дешевой иностранной рабочей силы из-за рубежа, в частности, Китая [43].

Русский опыт комплектования вооруженных сил отличался от зарубежного. Классические колониальные державы в значительной степени перекладывали бремя на подвластные народы и формировали войска из представителей коренного населения своих колоний для фронтов Первой мировой войны. Наиболее ярким примером является Великобритания, где только с января по сентябрь 1915 г. из Индии на Западный фронт было отправлено свыше 200 тысяч солдат. Во французской армии также воевали призванные из колоний зуавы. В русской же армии «инородческие» вооруженные формирования комплектовались на добровольной основе (например, Кавказская туземная конная дивизия). Однако война истощала мобилизационный ресурс коренных областей империи, поэтому в определенный момент в верхах созрело убеждение, что «в военной обстановке, вызывающей величайшее напряжение всех сил госу-

дарства, указанное явление (освобождение от воинской повинности в качестве привилегии для «инородцев» — прим. авт.) представляется недопустимым» [29, л. 31].

Военное министерство, не дожидаясь согласия Туркестанской администрации, пренебрегая порядком проведения закона через Государственную думу, оформило призыв императорским повелением (которое имело силу закона) о наборе инородческого населения для прифронтовой службы в качестве рабочих. Более того, «Высочайшее повеление» было сформулировано недостаточно четко, порядок и правила призыва прописаны не были. Этот юридический просчет в дальнейшем будет активно использоваться А.Ф. Керенским. Характерно, что нарушение процедуры принятия акта не помешало ряду членов мусульманской фракции Государственной думы выступить с фактической поддержкой призыва. Председатель мусульманской фракции М.-К.Б. Тевкелев [12, с. 607] и депутат от той же фракции М.-Ю.Г. Джафаров [12, с. 162–163] обратились к председателю Совета министров с письмом. В нем, «не касаясь порядка издания настоящего акта и считаясь с ним», они высказали просьбы по льготам для призываемых и предложения по выполнению призыва, в том числе создание «инородческих комитетов для содействия администрации» [30, л. 294]. Следует учесть, что Тевкелев был потомственным дворянином, гвардии полковником в отставке, участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и принадлежал «к наиболее образованным, уважаемым и влиятельным мусульманским депутатам» [12, с. 607].

В Ташкенте акт был получен 28 июня, а обнародован 1 июля 1916 г. Мнение о том, что нет оснований опасаться выступлений и эксцессов против призыва, подверг критике губернатор Ферганской области А.И. Гиппиус. Он внёс несколько предложений по организации набора, исключающих силовые методы, но они не были учтены. Исполнение призыва было возложено на волостную и сельскую администрацию. В Семиречье «Высочайшее повеление» было объявлено лично губернатором М.А. Фольбаумом 1 июля волостным старшинам, встретившим эту новость внешне спокойно.

Решение о мобилизации было неожиданным для населения, т.к. за 50 лет русской власти мусульмане никуда принудительно не призывались. Среди местного населения была очень популярна легенда о том, что свобода от воинской повинности была ему дана, по одной версии, при самом присоединении края, а по другой — ярым-падишахом (полу-царем) Кауфманом в 1876 г. на 50 лет в обмен за спокойствие местного населения. Кроме того, распространялись самые невероятные слухи об использовании мобилизованных на турецком фронте (т.е. против мусульманского халифа) и планах по уничтожению мужского населения Туркестана с целью облегчить ко-

лонизацию. За недовольством местных жителей стояли и экономические проблемы: помимо противоречий с прибывшими из европейских губерний переселенцами, указ был объявлен в разгар полевых работ.

Первые волнения вспыхнули в Ферганской долине. Наибольшую известность приобрели события 3–4 июля 1916 г. в Ходженте. Вскоре восстание перекинулось в другие уезды Самаркандской области и Ферганскую область. Наиболее крупное восстание произошло 13–21 июля в Джизаке. Вскоре беспорядки и погромы охватили обширные районы Туркестанского и Степного краев. Это не были согласованные между собой акции. Важно отметить, что события затронули не только Туркестан. Мы склонны согласиться с новейшей отечественной историографией, трактующей данное явление как «восстания в Азиатской России в 1916 г» [9]. Безусловно, это свидетельство масштабного кризиса, охватившего Туркестан, Сибирь, Кавказ. Почти повсеместно отдельными выступлениями руководили выходцы из «инородческой» среды. Местные власти в Туркестане приняли поспешные меры для подавления восстания, отправлены карательные отряды. Однако относительное успокоение наступило только в преимущественно оседлых областях. Степи продолжали сопротивление.

21 июля 1916 г. в Петрограде члены Государственной думы В.А. Виноградов, Н.В. Некрасов, В.А. Ржевский, М.-К.Б. Тевкелев обратились к военному министру Д.С. Шувалову и начальнику Штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву с требованием отложить набор рабочих из «инородческих» регионов и выработать подробные условия их призыва. Стало ясно, что Дума (прежде всего кадеты и их союзники) готова использовать еще один информационный повод для критики имперской администрации в борьбе за власть. Правительство не отменило мобилизацию, но провело кадровые перестановки. Новым генерал-губернатором Туркестана 22 июля 1916 г. назначили участника покорения края генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина. Он считал, что нельзя действовать лишь силой и необходимо обновить систему управления регионом.

В это время представители общественности Туркестана М. Чокаев (туркестанский джадид), А.А. Чайкин (редактор газеты «Туркестанский голос») и У.А. Ходжаев прибыли в Петроград с целью пригласить депутатов Думы приехать в край и на месте разобраться в происходящем, а также ходатайствовать об отмене «Высочайшего повеления». У.А. Ходжаев был известен как панисламист, на момент восстания он являлся председателем Ташкентского комитета по набору населения на тыловые работы, в г. Верный действовал З. Исабаев, менее искусный в политических интригах.

Государственная Дума решила отправить в край свою комиссию, состоявшую из главы мусульманской фракции, депутата от Уфы М.-К.Б. Тевкелева, а также представителя фракции трудовиков А.Ф. Керенского. На то, что последний стал членом думской комиссии, повлиял случай. Изначально в Туркестан как в мусульманский регион предполагалось ехать депутатам М.-К.Б. Тевкелеву и М.-Ю.Г. Джафарову. Однако беспорядки на Кавказе обусловили необходимость присутствия депутата «от Азербайджана» в родном регионе. Удивительно, но кандидатура А.Ф. Керенского была утверждена Думой в том числе и потому, что несколько лет юности будущий политик провел в Туркестане, где служил его отец. Керенский был родом из Симбирска, однако в детстве отец будущего политика, Федор Михайлович, был назначен главным инспектором народных училищ Туркестанского края. Сам Александр Федорович с отличием окончил Ташкентскую гимназию в 1899 г., и в рассматриваемый нами период сумел убедить коллег, что является сведущим специалистом в проблемах Туркестана. О большом авторитете А.Ф. Керенского среди мусульман региона упоминал уже в эмиграции А.З. Валидов (осужденный в Стамбуле за пантюркизм!), отмечая близость Керенского и джадида М. Чокаева [4, с. 109].

Прежде чем отправиться в Туркестан, А.Ф. Керенский от имени членов Государственной думы отправил (24 июля 1916 г.) телеграмму на имя генерала М.В. Алексеева, начальника Штаба Верховного главнокомандующего. В ней содержалась просьба отсрочить призыв рабочих до окончания сбора хлопка, то есть до 1 ноября, т.к. в противном случае под угрозой гибели находится значительная часть стратегически важного урожая [23, с. 112]. 30 июля 1916 г. был объявлен указ об отсрочке мобилизации. Ход работы думской комиссии освещен начальником Туркестанского районного охранного отделения полковником Волковым. 15 августа 1916 г. в Ташкент в сопровождении Ш.З. Мухамедьярова и М. Чокаева (в качестве переводчика) прибыл депутат Думы М.-К.Б. Тевкелев, а 17 августа А.Ф. Керенский [23, с. 112].

17 августа 1916 г. М.-К.Б. Тевкелев, Ш. Мухамедьяров и М. Чокаев выехали в Самарканд. 22 августа А.Ф. Керенский покинул Ташкент и прибыл 23 августа в Джизак, где был встречен группой Чокаева. В тот же день Тевкелев и Керенский отправились в Самарканд. Вечером они выехали в Андижан. По дороге к ним присоединились задержавшиеся в Джизаке Чокаев и Мухамедьяров. 24 августа все прибыли в Андижан, где пробыли до 4 часов утра 26 августа. Затем названные лица отправились в город Коканд, а М. Чокаев направился в Ташкент. А.Ф. Керенский, М.-К.Б. Тевкелев и Ш. Мухамедьяров вернулись в Ташкент из Коканда 27 августа [15, с. 207–208]. В Анди-

жане и Коканде депутаты собирали вокруг себя большое количество народа и выступали с речами. Среди прочего, харизматичный Керенский вел политическую агитацию. Так, во время посещения джума-мечети в Андижане 25 августа Керенский попросил удалиться из мечети полицейских чинов. В ходе состоявшейся беседы депутаты выслушали собравшихся мусульман. В ответном слове Керенский представил себя и Тевкелева защитниками туркестанцев [15, с. 211].

Восстания в Туркестане и других регионах Азиатской России, вызванные действиями правительства, а также системный кризис империи, обостренный войной, должны были, по «пророческому» мнению депутата, закончиться революцией и сменой власти. Новая же власть (к которой, вероятно, Керенский относил и себя), основанная на выборах началах, будет соответствовать чаяниям населения национальных окраин. О себе он говорил, что готов для них работать так же, как и для своего народа. Завершился визит в Андижан званым ужином, на который собралось порядка 70 человек. Керенский использовал представившийся случай, чтобы декларировать идею создания в Туркестане земского и городского самоуправления. Находясь в Андижане, депутаты собрали обширную подборку жалоб местного населения для отправки в Петроград.

На следующий день, в Коканде, Тевкелев с Керенским приняли в гостинице представителей местной буржуазии, с которыми беседовали о необходимости реформ управления и избирательном праве. 27 августа депутаты прибыли в Ташкент, где продолжили принимать представителей от местного населения. Председатель Ташкентского комитета по отправке мобилизованных на тыловые работы У. Ходжаев организовал 30 августа в честь депутатов банкет, который посетило свыше 100 человек. Взаимные благодарности и заверения в наилучших намерениях депутатов, посулы скорого решения назревших проблем сопровождали мероприятие. В завершение Керенский выразил надежду на то, что «туземное» население в единении с прогрессивной частью русского общества пойдет по пути завоеваний лучших условий жизни, за которые борется Дума и вся культурная Россия [26, с. 81].

1 сентября 1916 г. торжественный банкет, правда, гораздо более скромный по размаху, организовали «коллеги» А.Ф. Керенского — адвокаты Ташкента. В своем интервью газете «Туркестанский курьер» Керенский отметил, что беспорядки завершились, в том числе и благодаря действиям нового генерал-губернатора. Последствия неверно истолкованных положений Высочайшего повеления удалось, по его мнению, преодолеть. Однако, Керенский умолчал о разрастающемся пожаре в Семиречье, которое депутаты так и не посетили. Идиллия

совместных застолий несколько отличалась от реальной обстановки. Наконец, 2 сентября Керенский выехал в Петербург, а на следующий день Тевкелев отправился в Уфу.

Таким образом, посещение думской комиссией Туркестана стало неким основанием, позволявшим местным общественным деятелям надеяться на положительное решение вопроса о представительстве делегатов от Туркестанского края в Думе на предстоящей парламентской сессии. На рассмотрение нижней палаты планировалось внести проект нового Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. Напомним, что проект объединенного положения краем и штаты по его управлению были подготовлены в канцелярии генерал-губернатора ещё в 1903 г. Министерство юстиции предлагало его отвергнуть уже тогда, но к 1907 г. проект рассматривался уже реформированным Советом министров [16, с. 230] и был возвращен на доработку.

Экономические проблемы местного населения были обусловлены и слабой юридической базой. Ещё в конце XIX в. русские консервативные публицисты видели проблему в нежелании российской власти «производить ни в какой области управления, т.е. ни в суде, ни в администрации, ни в поземельном пользовании никаких крутых поворотов». «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. поставило вопрос о поиске свободных государственных земель и юридическом закреплении за «туземцами» тех земель, которыми они владели фактически» [22, с. 19]. Вместе с тем, туркестанская администрация начала борьбу с захватами и «расхищением» государственных земель.

Во время посещения депутатами Туркестана У.А. Ходжаев появлялся в публичных местах вместе с А.Ф. Керенским и М.-К.Б. Тевкелевым. Близость к гостям из Петрограда расценивалась населением как признак значимости, осведомленности политика. Вследствие этого именно Ходжаев получал на свое имя большинство прошений туркестанцев. За год до событий, в 1915 г., на одном из закрытых заседаний Думы Керенский утверждал, что Туркестан и степные области это не Тульская и Тамбовская губернии, и на них можно смотреть так же, как англичане или французы смотрят на свои колонии. В этом смысле он мало отличался от русских консерваторов конца XIX столетия [22]. Через год после восстания, в августе 1917 г., будучи уже главой Временного правительства, А.Ф. Керенский на встрече с узбекской делегацией заявил, что, веря в преданность народов Туркестана России, не потерпит сепаратизма и примет против этого самые суровые меры.

Приведенный обзор историографии создает впечатление, что тему исследования можно считать неплохо изученной и доступной лишь для новой интерпретации на основании «свежих» теоретических подходов. Однако подобное суждение весьма далеко от реального положения дел. Среди лакун источниковой базы отметим отсутствие в распоряжении исследователей материалов, собранных комиссией Керенского-Тевкелева. Загадкой для ученых остаются крайне слабые подготовка и реализация Высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. Несмотря на пристальное внимание исследователей, нет достоверного ответа на вопрос о количестве жертв событий с обеих сторон конфликта. Учитывая это, мы полагаем, что проблематика нуждается в дальнейшем комплексном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931. 140 с.
2. Бедельбаев А. Б. Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г. // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16. № 1. С. 201–205.
3. Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 28 с.
4. Валидов А. З. Воспоминания. Борьба мусульман Татарстана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / под ред. С. М. Исакова; пер. В. Б. Феофановой. М.: [б. и.], 1997. 649 с.
5. Восстание 1916 г. в Средней Азии [С предисловием П. Г. Галузо] // Красный архив: Исторический журнал. 1929. Т. 3 (34). С. 39–94.
6. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сборник документов под ред. П. Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. 175 с.
7. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л. В. Лесной. Под редакцией и предисловием Т. Р. Рыскулова М.: Соцгиз, 1937. 168 с.
8. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане / под ред. А. В. Пяковского. М.: Издательство АН СССР, 1960. 794 с.
9. Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): [коллективная монография] / [ред.-сост.: Т. В. Котюкова]. М.: Русский импульс, 2017. 528 с.
10. Галиева З. Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. ст. Бишкек: Нео-Принт, 2017. С. 33–40.
11. Восстание 1916 года в Средней Азии: Сборник статей / П. Галузо, Ф. Божко; Среднеазиатский научно-исслед. ин-т истории революции при Средазбюро ЦК ВКП(б) (САНИИР). Москва; Ташкент: Саогиз, 1932. 96 с.